

Владимир Гандельсман. Точка засыпания
Лариса Миллер. Точнее о счастье
Екатерина Соколова. На земле пустой
Феликс Чечик. Ловец и зверь
Алексей Дьячков. Неуловимых конница
Елена Саран. Под черно-белым флагом
Игорь Куницын. Белый пароходик
Айгерим Тажи. Внутреннее оперенье
Сергей Золотарев. Из цикла «На упокой»

Владимир Гандельсман

ТОЧКА ЗАСЫПАНИЯ

НОЧЬ НА 3 АПРЕЛЯ 2009 ГОДА

Льву Дановскому

С ожесточением, не каменный,
жил я в квартале от красной тюрьмы.
Дай-ка возьми этот ритм неприкаянный
на ночь взаимны.

«Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?»
Как эту ночь переплыть?
Помню буксиры с их криками слышными.
Мост разводной не забыть.

Это Литейный, Литейный.
Выйдешь к реке — небосвод воспален
где-то над Биржей, где длится ладейный
эндшпиль ростральных колонн.

Можно сказать, что на стогнах
тишь и чернехонько в окнах.

Стихли застольные пьяные гомоны.
Город-укор в распрямленной красе.
То ли уснули неправедным сном они,
то ли попрятались все.

Я, подневольным крещен понедельником,
помню предутренний свет.
Нас было трое, ты был нашим Дельвигом.
Первый, которого нет.

Этот мотив я затеял, не ведая,
что обращаюсь к тебе.
Осыпь апрельская, — время грохочет отпетое
льдом в водосточной трубе.

СОН

вдруг рыба торкнулась в окно
висит и тычется
и как-то на сердце темно
почти что плачется
зачем пришла за чем за кем
глядит просительно
и мой испуг в ответ ей нем
так непростительно
то вверх то вбок юлит она
то вниз то вбок опять
все по периметру окна
пришла молчком пытаться
молчит на то и рыбе рот
чтоб кругло узиться
и немотой дышать вперед
ночь совесть узница

СУТЬ ДЕЛА

Точка засыпания прекрасна
как ничто на свете, так легка.
Только что не спал — и вдруг погасла
вся эта латерна магика.

Ровное прервав повествованье
и перечисление вещей,
нам представить наше расставанье
следует исчерпывающе.

Чтобы его встретить не проклятьем,
даже и не сожаленьем, но
благодарностью, простым приятьем.
Остальное не существенно.

РОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Славе Вольфсону

Шланг легонько так извивается,
из него вода изливается,
помидором гретым воздух тяжел,
к шлангу я подошел.

Жарко жар идет-поднимается,
полуспит дитя, скукой мается,
георгин на грядке ярко-мясист,
как матисс-аметист.

Подбираю шланг с замиранием,
двор дрожит стрекозиным реяньем,
поливаю двор, в солнечном свете,
в радужном забытье.

Распыленная вода катится
по траве и десятикратится
разбегаясь, ставнями дом закрыт,
дом прохладу хранит.

Лето длится, лето бессрочное,
золотой цикадой прострочено,
циферблат-подсолнух в огне стоит,
тяжесть-время таит.

В доме бархат побелки на ощупь,
а за круглым стеклом стрелок росчерк.
Отражением дня зажглось стекло, —
дрогнув, время пошло.

РАДИОСПЕКТАКЛЬ «ИВАНОВ»

А. Д.

Одна из коммуналок родины.
Темно. Соседи Приколотины.
Все вещи неуютной комнаты
тоскливым вечером приобняты.

Тебе лет десять. Завтра школа.
Тарелка радио у пола.

Околеванца нет... Околеванца?
Ты что-то загорделась... Загорделась?
Предгрозового фьють немного солнца, —
в буфете рюмка загорелась.

Ты сослан к тетке. Где родители?
Они в раздоре? Их похитили?

С тобою, Коля, жить такие муки...
Ань, глядя на тебя, мрут мухи...
Соседка, а соседка, дайте рубель.
Соседкина фамилия Рейхрудель.

Накрапывает. Подоконник. Скрежет
трамвая угол Кировской отрежет.

Потом романс «Я вновь перед тобою...»
Светло-вишневые обои.

В квартире шумно, многожительно.
И некуда деваться положительно.

Я все снесу. Куда снесешь? Не смей.
В ломбард. Мне опротивел мой
дом. Я не выдержу своей
насмешки над самим собой.

Пора и честь знать. Что за чертов дом.
И с улицы, как выстрел, гром.